

13. А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

13. A.A. Romanov

Tver state agricultural Academy, Tver

СОМАТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАК СИСТЕМА ФРЕЙМОВЫХ КОНФИГУРАЦИЙ

SOMATOGRAPHIC MAP AS A SYSTEM OF FRAME CONFIGURATIONS

Ключевые слова: карта человеческого тела, телесность, вербальное / невербальное взаимодействие, топонома, фрейм.

Keywords: map of corporal existence, corporality, verbal / nonverbal interaction, toponoma, frame.

В рамках когнитивной парадигмы социальной психологии конструирование социального мира осуществляется на основе категоризации как вербальной, так и невербальной информации. Фреймовый подход в рамках этой парадигмы к телесному бытию собеседников в процессе социальной интеракции может быть использован в исследовании вербализации невербальных коммуникативных проявлений. В статье описывается соматографическая карта человеческого бытия как система фреймовых конфигураций.

Constructing of social world is carried out on the categorizing of verbal or nonverbal information within the cognitive paradigm of social psychology. Frame approach in the framework of this paradigm to corporal being of interlocutors in the process of social interaction can be used in research of nonverbal communicative expressions verbalization. Somatographic map of human existence is described as a system of frame configurations in the article.

В работах, посвященных описанию фреймовой организации деятельности человека или когнитивного агента отмечается, что индивид способен обладать восприятиями (perceptions), которые упорядочены, по меньшей мере, в соответствии с последовательностью фреймов. Следуя этим восприятиям, человек и обманывает, и вводит в заблуждение, и создает иллюзии для самого себя, когда он предпринимает определенные действия, вербального и двигательного (physicals) порядков. Из этого вытекает, что значение деятельности для индивида *определяется организацией ее фрейма* (см.: Минский, 1979; 1988; Гоффман, 2000/1956; Goffman, 1966; 1966a).

При этом отмечается, что фрейм как структурированное/ые знание/я оказывает/ют влияние на нечто большее, чем значение осуществляемой деятельности, ибо фрейм также непосредственно организует и участие в ней индивида или индивидов. В процессе реализации деятельности ее участники

обычно не только получают живое ощущение смысла происходящего, но и в какой-то степени бывают захвачены, увлечены и поглощены своими действиями или делом (Goffman, 1966; 1966a).

Любой фрейм включает в свое содержание непосредственные ожидания («экспектации», по А. Шюцу) нормативного характера относительно того, насколько глубоко и полно индивид как когнитивный агент должен быть вовлечен в деятельность, организуемую этим/и фреймом/амии и какую роль он исполняет в ней. Такие экспектации в определенной мере существенно разнятся между собой, главным образом, по степени вовлеченности, которую предписывают участникам деятельности.

При этом одни фреймовые экспектации, подобно системам правил дорожного движения, требуют от участника его глубокой вовлеченности (включенности) и *поддерживаются в центре внимания лишь время от времени*, т.е. только тогда, когда есть необходимость избежать определенных отклонений от взаимодействия, способных вызвать неожиданные неприятности.

Другие экспектации, сопряженные с фреймовой конфигурацией, предписывают его участникам в буквальном и фигуральном смыслах всеобъемлющее участие. Но и в том, и в другом случае когнитивным агентам как участникам взаимодействия в рамках фреймовой конфигурации устанавливаются пределы, «согласованно определяющие, что считать недостаточной вовлеченностью в дело и что – избыточной» (Гоффман, 2000).

По мнению Е. Гоффмана, существуют разнообразные наборы и комбинации «материалов», которые помогают индивидам как когнитивным агентам «работать» и исполнять свои роли. Такие наборы и комбинации различаются по эффективности, с какой они захватывают и удерживают их внимание. Некоторые из них, подобно азартным карточным играм, кажутся специально созданными для людей, способных увлекаться до самозабвения, и в этом смысле устанавливают стандарт, с помощью которого можно судить о других комбинациях исходных материалов для деятельности, включая поставляемые миром повседневной жизни.

Здесь важно иметь в виду, что сама по себе «вовлеченность представляет собой психобиологический процесс», в котором субъект как когнитивный агент (т.е. как непосредственный деятель и участник) перестает, хотя бы частично, «сознавать направление своих переживаний и познавательного внимания», что семантически означает сосредоточенность, поглощенность делом (Гоффман, 2000). Но при этом, если требуется поддерживать фокус внимания, то этого нельзя делать преднамеренно (или, по крайней мере, полностью, в полном объеме), так как подобное намерение уже способно ввести в контекст действия другой фокус внимания, не имеющий отношения к основному.

Как правило, поведение индивида обычно организовано вокруг определенного фокуса внимания, связанного с выполнением деятельности. Оно организовано совсем не потому, что люди стремятся поступать именно так, а не иначе. Только настоящая спонтанная вовлеченность порождает

адекватное поведение. Для этого часто недостаточна и верная в общих чертах идентификация деятельности, в которой мы участвуем.

Вовлеченность, пишет Е. Гоффман, обязывает к взаимному диалогу. Если бы один из участников не сумел поддержать ситуативно предписанную концентрацию внимания, другие, по всей вероятности, не остались бы равнодушными к этому факту и волей-неволей вовлеклись бы в выяснение, каково значение данного отступления и что с этим делать. Такая новая вовлеченность по необходимости вывела бы их из состояния поглощенности собственной деятельностью. Вот почему в рамках фреймовой организации неуместное поведение одного индивида способно порождать (каузировать, быть причиной) неуместные поступки со стороны других участников. И независимо от того, недостаточно или избыточно вовлечен изучаемый индивид в данную активность, у него есть резон изображать вовлеченность, чтобы минимизировать влияние своего поведения на других участников (Гоффман, 2000).

Признание того, что имеются пределы в выборе степени вовлеченности, не должно трактоваться таким образом, будто не допустимы вообще никакие отклонения от нормы. Напротив, кое-какие отклонения от нормы допустимы, и если при этом обеспечивается эффективная маскировка таких отклонений (или маскировка отклоняющихся действий), то они могут оставаться незамеченными или же на них не будет акцентировано внимание. Более того, могут сойти с рук даже и существенные отклонения, так как отклонение является неотъемлемым элементом почти всех фабрикаций, которые обычны в реальной жизни. При этом важно иметь в виду, что увлечение и полная поглощенность чем-либо не являются, по мнению Е. Гоффмана, средством делимитации отрезков деятельности, осуществляемых в непревращенной форме, от отрезков превращенных форм деятельности.

Е. Гоффман так и пишет: «Ожидая, что фрейм, примененный к некоей деятельности, позволит нам идти в ногу со всеми сопутствующими ей событиями (информационно обеспечивая и *регулируя многие из них*), надо понимать, что может произойти и неуправляемое событие, которое нельзя будет проигнорировать и к которому данный фрейм не применим, что грозит замешательством и недовольством среди участников». Точнее говоря, сбой может произойти *в применимости данного фрейма, в его возможности управлять подчиненной сферой*.

В этой связи отмечается, что **человеческое тело один из тех объектов**, которые способны **подорвать организацию деятельности и нарушить ее фрейм**. Человеческое тело, подобно любому другому элементу разворачиваемого фреймового сценария, *может в данное время и в данном месте не соответствовать требованию поддержания фрейма*. Это в первую очередь касается такой особой части тела, направленной на передачу (т.е. передающей непосредственно) «выражения лица», которые (выражения) имеют исключительно важное значение для социального взаимодействия (Романов, Ходырев, 1998; Романов, Сорокин, 2004). Как отмечается в ряде работ (см., например: Романов, Ходырев, 1998; Романов, 2004), выражения

лица способны к чрезвычайно быстрым изменениям и тем самым могут передавать самые тонкие оттенки настроения, что фактически позволяет говорить о «лицевом фрейме» («facial frame»), если использовать терминологию Е. Гофмана, репрезентируемым в топономах эгонального дискурса лица (подробнее: Романов, Сорокин, 2004: 63-93). Этот факт имеет большое значение для социального взаимодействия в целом и визуальной коммуникации в частности, ибо дискурсивное выражение лица (дискурсивная экспоненция, если говорить только о его внешней знаковости), как правило, принимается в соответствии с текущей деятельностью субъекта (когнитивного агента), построенной по фреймовому образцу. Именно при помощи топоном как особенных выразительных средств эгонального дискурса (дискурса Я субъекта), используемых на более постоянной основе, чем любые другие семиотические средства (цвет, прическа, различные украшения, головной убор, костюм), индивид, находясь в процессе социальной интеракции, вынужден чаще всего демонстрировать уместную степень вовлеченности в этот процесс и внимания к предстоящему эпизоду в межличностном взаимодействии.

И хотя эта сфера выражения человеческих действий подвижна и неустойчива, тем не менее, она может выступать своего рода «экраном реагирования», который, безусловно, имеет функциональную природу (Герген / Джерджен, 2003; Gergen, 1994; Гоффман, 2000). Особенно это касается тех моментов, когда индивид, участвуя в определении типовой ситуации взаимодействия, может под давлением различных обстоятельств внезапно выйти из ограничений, накладываемых на него типовой фреймовой конфигурацией, но не прекращать саму деятельность. Например, в случае взятия паузы оратором во время выступления, чтобы высморкаться или попить воды, а затем вновь продолжить свое выступление. Такой выход предусмотрен порядком выступления и имеет упорядоченный характер.

Другое дело, когда индивид вынужден изображать уместность и респектабельность своего участия в деятельности, подтверждая это изменениями в выражениях лица. В этом случае ему каждый раз приходится подстраиваться под условия реализации фреймовой конфигурации, контролируя свою вовлеченность и степень участия. Но какая бы из названных причин ни побуждала индивида как участника фреймовой интеракции нарушать фрейм, организовывавший его деятельность в рамках типовой интеракции, они (причины) все равно способны породить такое поведение, которое затрагивает и других участников интеракции. При этом изменения в поведении участников фреймовой интеракции влечет за собой, в первую очередь, изменения «лицевого фрейма», которые способны фиксировать моменты выхода из себя (измениться в лице – гнев, страх, ужас, отчаяние и т.п.) или выхода из фрейма, ставшего для того или иного участника невыносимым (сопровождение изменения фрейма лица мимикой, движением рук, пожатием плечей и т.п.). Более того, позы, жесты и движения человеческого тела (как составляющие соматографическую карту телесного бытия, как его компоненты) способны вызывать даже смех у участников

социальной интеракции в точном соответствии с тем, насколько тело может напоминать им простейшую (примитивную) схему («машину», в терминологии Е. Гоффмана).

Таким образом, обозначенный подход к телесному бытию, представленному (реализуемому) собеседниками в конкретный момент коммуникативного проявления социальной интеракции («Я» – «здесь» и «сейчас») для решения задачи вербализации невербальных коммуникативных проявлений, является характерным для когнитивной парадигмы социальной психологии, согласно которой конструирование социального мира осуществляется на основе категоризации как вербальной, так и невербальной информации. При этом выражение, восприятие и понимание говорящего субъекта на основе его поведения в рамках соматографической карты телесного бытия представляет собой процесс невербальной коммуникации и предполагает наличие у воспринимающего некоторых структурированных представлений (категорий знания), позволяющих ему читать знаки и сигналы языка тела, которые сопряжены с относительно устойчивыми, обобщенными структурами прошлого опыта, позволяющие предвосхищать изменения вида объектов, порядок развития событий, их содержание и связь между ними. Такие структуры, представляющие особого рода схемы, именуется фреймами. Под фреймом, как правило, подразумевают (см.: Гоффман, 2000; Минский, 1979) минимальное описание какого-либо явления или объекта, обладающее следующим правилом: удаление из описания любой составляющей (слота или вершины) может привести (приводит) к тому, что данный объект перестает правильно опознаваться (классифицироваться). И в этом плане понятие фрейма (или гештальта, например в гештальтпсихологии) принимает на себя «роль пересечения опыта Другого (Чужого) и опыта меня самого, выступает системой опытов, которая структурирована несимметрично. В одних фазах генезиса телесного бытия, корпоральности, телесности доминирует опыт собственного тела, в других – тела Другого. Интер-субъективность в форме гештальта является динамично-временной, а не статичной» (Мерло-Понти, 1999: 449).

Относительно описываемого объекта, можно предположить, что фреймовые структуры (или конфигурации) соматографического плана бывают как *врожденными*, т.е. «естественно и неизбежно» возникающие в процессе когнитивного развития человека» (например, структурированное знание характерных черт человеческого лица, общей схемы телесности), так и *опытными*, т.е. такими, которые усваиваются из опыта или обучения (например, в художественных мастерских, косметических салонах).

Фреймы, как правило, активируются определенными стилистическими маркерами (свойствами демонстранта/личности или социальным контекстом, в котором приходится экспонировать или демонстрировать такие маркеры-признаки), такими, как, например, гнев, любовь, стремление к сотрудничеству или власти, групповая принадлежность и т.п., которые выражаются чаще всего невербальным способом. Безусловно, эти маркеры играют важную роль, поскольку фреймовые конфигурации (как

структурированные схемы, карты) способны активироваться. Например, когда участник интерактивного взаимодействия как интерпретатор, стремится выявить смысл фрагмента невербального поведения своего партнера в виде некоторого «паралингвистического текста», то он, поместив содержание этого фрагмента в опоре на систему статических (структурированных) знаний в модель, известную ему независимо от этого «текста», оказывается в состоянии приписать данному фрагменту (или «паралингвистическому тексту») соответствующую интерпретацию.

Поэтому введение понятия фрейма в исследование соматографического картирования телесного бытия способно значительно обогатить (и, если угодно, изменить) научные представления о коммуникативных процессах в социальном взаимодействии. Особенно это касается исследований понимания дискурсных образований в плане выявления связности текстовых частей внутри целого дискурсного комплекса, и, конечно же, фреймовый анализ может быть также полезным в исследованиях по невербальной коммуникации в частности, и в сочетании вербальной коммуникации с невербальной.

Но исследование такого дискурсного комплекса с учетом вербальной и невербальной сторон коммуникации требует особого подхода, так как если текстовое вербальное сообщение разворачивается, по преимуществу, последовательно в своих частях целого, то большинство невербальных «сообщений» осуществляются одновременно. Более того, активирование той или иной фреймовой конфигурации телесного картирования может привести к достаточно жестко обусловленной, подчиненной определенному образцу («сценарию», «алгоритму») интерпретации, что нередко проявляется в разночтениях, ошибках или ограниченности такой интерпретации в целом.

В литературе показано (например, Гоффман, 2000; Goffman, 1966; 1966a), что люди, искусные в языке тела, в то же время обладают большей пластичностью во взаимодействии с другими людьми, и, воспринимая невербальное «сообщение», особенно в неоднозначной ситуации, они стремятся избежать двусмысленности и достичь определенности в его содержательной интерпретации и в понимании партнера на основе построения своих предварительных интерпретационных гипотез, базирующихся на стратегиях типового и частного порядка интерактивного взаимодействия. Стратегии как формы формирования и управления интерактивным обменом могут изменяться на основе дополнительной информации и даже могут плавно переходить друг в друга, проявляя себя в типовых, внутритиповых или межтипových транспозициях форм своей вербальной репрезентации (Романов, 1988: 148-155).

В этом плане успешность невербальной коммуникации обуславливается не в последнюю очередь такими факторами, как личностная и социальная идентичность участников взаимодействия, их психологические особенности – установки, воображение, наблюдательность, опытность, этноцентризм, возрастные изменения (в том числе и национального характера), т.е. все то, что можно назвать особым паралингвистическим

дискурсом (в отличие от паралингвистического текста) как *определенным образом воспринимаемых невербальных знаков и сигналов*. И даже дезорганизация взаимодействия одного участника с другими людьми дает возможность каждому участнику выходить из одной «первичной», по Е. Гоффману, системы фреймов (например, только фрейма лица или габитуса) в независимости от того, является ли такая система преобразованной (транспонированной) или нет), чтобы в дальнейшем реально вести себя в соответствии с предписаниями уже совершенно иной системы фреймов.

К. Джерджен / Герген (Gergen, 1994) отмечает в этой связи: «язык описания человеческого поведения не связан каким-либо систематическим образом с пространственно-временными конфигурациями тела. Таким образом, правила относительно того, «что чем считать» изначально не определены, постоянно меняются и свободны варьироваться вместе с *predilections* тех, кто ими пользуется. ... Описывается ли действие как зависть, флирт или злость, оно плывет по морю социального взаимообмена. Его интерпретация может быть выдвинута, развита и отброшена по ходу изменения социальных отношений с течением времени..... Любое, какое бы мы не взяли, действие человека не определяет само по себе его интерпретаций, которые могут быть совершенно произвольными.... Поэтому задача исследователя (лингвиста ли или социального психолога – А.Р.) заключается в том, чтобы изучать разнообразие интерпретаций в описании людей. Что здесь важно, так это функции, которым служат конкретные интерпретации и дискурсы» (1994: 47-49).

И хотя К. Джерджен / Герген, вероятнее всего, несколько преувеличивает степень произвольности и гибкости этого процесса, тем не менее, процедуры (языковые или дискурсивные практики, если опираться на накопленный опыт анализа разговорных форм социальной интеракции), которыми люди пользуются для артикуляции и осмысления коммуникативных действий, характеризуются заметными ограничениями и повторяемостью, ибо не всякая интерпретация или, в терминологии автора, «Я»-конструкция может быть приемлема в той или иной ситуации. Важным в данном случае является то, что автор, как социальный психолог, оставляет попытки описать все человеческие действия и их смыслы, а вместо этого предлагает описание лингвистических практик, которые порождают действие как определенный тип события. Поэтому исследования такого рода, по утверждению автора, не являются пустым или дилетантским занятием, потому что методы концептуализации «Я» (говорящего субъекта, когнитивного агента с учетом параметров его телесности), вовлеченные в разные лингвистические практики, имеют жизненно важные последствия для позиционирования «Я» в обществе. Они не нейтральны и не бездейственны, а напротив, они создают смыслы «Я», которые могут быть негативными, деструктивными, репрессивными, так же как и ведущими к положительным переменам.

Литература

1. Гоффман И. Представляем себя другим в повседневной жизни /Пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М., 2000.
2. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск, 2003.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
5. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988.
7. Романов А.А. Координаты визуальной коммуникации в психосемиотическом аспекте // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – Вып. 1. – 2004 №2 (4). – С. 122-125.
8. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М., 2004.
9. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая имиджелогия. – Тверь, 1998.
10. Gergen K.J. Realities and Relationships: Soundings in social Construction. – Cambridge (MA), 1994.
11. Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. The Free Press A Division of Macmillan Publishing Co., Inc. – New York: Collier Macmillan Publishers, London, 1966.
12. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. – New York: Pantheon Books, 1966a.

References

1. Goffman I. Present self in everyday life /Per. from English. A.D. Kovalev. - M, 2000.
2. Gergen K.J. Social constructionism: knowledge and practice. - Minsk, 2003.
3. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. - SPb., 1999.
4. Minsk M Frames for knowledge representation. - M, 1979.
5. Minsk M Wit and logic cognitive unconscious // New in foreign linguistics. - Vol. 23. - M, 1988.
6. Romanov A.A. System analysis of regulative means of communication. - M, 1988.
7. A.A. Romanov Coordinates of visual communication in psycho-semiological aspect // Vestnik of Tver state University. Series «Philology». - Vol. 1. - 2004 №2 (4). - С. 122-125.
8. Romanov A.A. Sorokin, Yu.A. Somatikon: Aspects of nonverbal semiotics. - M, 2004.
9. Romanov A.A., Khodyrev A.A. Management image studies. - Tver, 1998.
10. Gergen K.J. Realities and Relationships: Soundings in social Construction. - Cambridge (MA), 1994.

11. Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. The Free Press A Division of Macmillan Publishing Co., Inc. - New York: Collier Macmillan Publishers, London, 1966.

12. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. - New York: Pantheon Books, 1966a.

Из книги: **Романов А.А. ВЕРБО- И ПСИХОСОМАТИКА ТЕЛЕСНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА** // Романов А. А., Сорокин Ю. А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела: монография. – М.: ИЯ РАН – Тверь: АГРОСФЕРА ТГСХА, 2008. – С. 57-67.

From the book: **Romanov, A.A. VERBAL - AND PSYCHOSOMATICS CORPOREAL BEING HUMAN** // Romanov A. A. Sorokin, Yu. A. Verbal - and psychosomatics: two cards of the human body: monograph. - M: IA RAS - Tver: AGROSFERA TSAA, 2008. - p. 57-67.

(0,4 п.л.)